

ИРИНА ПРИВАЛОВА

ИГРЫ БОГОВ

КНИГА 1

БОГ, КОТОРЫЙ ЗАБЫЛ МАТЬ

Пока он искал силу, он утратил источник.
Но она всё ещё рядом.

Ирина Привалова

Бог, который забыл Мать.

«Автор»

2026

Привалова И.

Бог, который забыл Мать. / И. Привалова — «Автор», 2026

Старуха Верба почти тридцать лет записывает последние слова умирающих. Обычно это просьбы, признания, имена. Но однажды она замечает: незнакомые друг с другом люди говорят о местах, которых никогда не видели, о других жизнях и о женщине, имя которой никто не может произнести до конца. Записи складываются в линию, ведущую к двери посреди леса — двери без дома и стен. В это же время Мирра начинает узнавать незнакомые места и сомневаться в собственных воспоминаниях. Что связывает её с чужими последними словами? И что ждёт по ту сторону двери? «Бог, который забыл Мать» — первая книга цикла «Игры богов». История о памяти, происхождении и мире, чьи правила могут оказаться не такими, какими кажутся.

© Привалова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ I. МИРРА	12
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирина Привалова

Бог, который забыл Мать.

Ирина Привалова

«ИГРЫ БОГОВ» · КНИГА I

Бог, который забыл Мать

Пролог

В тот год зима пришла раньше обычного. К середине осени дороги уже несколько раз заносило снегом, а по утрам вода в деревянных корытах покрывалась тонким льдом, который дети разбивали палками, возвращаясь из школы. Ветер дул с севера почти без перерыва, и Верба всё чаще подбрасывала в печь поленья ещё до заката, хотя раньше старалась не тратить дрова до наступления темноты.

Ей было семьдесят два, и она давно перестала спорить с зимой. В молодости зима казалась ей чем-то, что обязательно закончится, сколько бы ни длилась. Теперь она знала: зима ничего не обещает. Она просто приходит, занимает своё место и уходит тогда, когда считает нужным.

Вечерами Верба сидела у печи, штопала одежду, перебирала сушёные травы или записывала то, что успела услышать за день. Её стол стоял у окна, и при свете лампы на нём всегда оставалось немного свободного места для тетради. Бумагу она берегла, поэтому писала мелким почерком, почти без полей. На первой строке ставила имя, возраст и дату, а дальше записывала последние слова человека так, как услышала их, не стараясь сделать речь красивее или понятнее.

Этим она занималась почти тридцать лет.

Когда-то Верба не собиралась становиться той, к кому зовут умирающих. Всё началось с одной старухи из соседнего дома. Та несколько дней не вставала с постели и всё время просила позвать дочь, которая жила далеко и не успевала приехать. Когда стало понятно, что женщина не доживёт до утра, её соседка попросила Вербу посидеть рядом. Верба пришла вечером и осталась до рассвета. Старуха почти всё время молчала, но перед самым концом вдруг оживилась и попросила передать дочери, что та зря винила себя за последнюю ссору. Верба записала слова на клочке бумаги, а потом отдала его дочери, когда та приехала.

Через несколько недель к Вербе пришли снова, потом ещё раз, и постепенно люди привыкли к тому, что если кто-то в доме умирал, за Вербой посылали мальчишку или женщину из соседнего двора. Она приходила, садилась возле кровати и слушала. Иногда рядом находились родственники, иногда врач, иногда только она и человек, который уже почти не различал лиц.

Верба никогда не обещала, что услышанное окажется последним словом. Человек мог прожить ещё несколько часов, а иногда и несколько дней. Но если он говорил что-нибудь перед смертью, Верба записывала.

Родным это было нужно.

Одни хотели сохранить последнюю просьбу. Другим было важно знать, что человек не ушёл в одиночестве. Иногда они просили прочитать запись через месяц, иногда через год. Бывали случаи, когда дети приходили спустя много лет и спрашивали, не осталось ли у Вербы слов их матери или отца.

Она хранила всё.

В её доме, в нижнем ящике старого шкафа, лежали четыре тетради, исписанные от корки до корки. Пятый том только начинался.

До той зимы Верба почти никогда не перечитывала старые записи — но в один из вечеров ей стало нечем заняться, и она достала первую тетрадь. Поначалу воспоминания возвращались спокойно.

Вот старик, который перед смертью попросил не продавать серую кобылу. Верба помнила эту историю: сын хотел избавиться от животного, а отец сердился, потому что был уверен, что кобыла ещё проживёт несколько лет.

Вот женщина, которая несколько раз повторила имя младшей дочери.

Вот мужчина, который попросил вернуть ему часы, хотя часы лежали на его собственной тумбочке.

Верба улыбнулась, перелистнула страницу и продолжила читать.

Через некоторое время она наткнулась на запись, которую когда-то сделала почти машинально.

«Лада, семьдесят один год. Перед смертью сказала: „Я оставила мальчика у воды“. На вопрос, какого мальчика, ответила: „Моего“. Затем: „В другой раз“. Детей не было».

Верба задержала взгляд на последних словах.

Она помнила Ладу. Та действительно никогда не имела детей. Ни мужа, ни сына. Всю жизнь прожила одна, а последние годы за ней ухаживала племянница.

Верба перевернула страницу, потом вернулась обратно. Она не могла понять, почему именно сейчас её заинтересовала эта старая запись — возможно, потому, что за последние годы ей стали попадаться похожие случаи. Она взяла карандаш и поставила маленькую отметку на полях.

Дальше чтение пошло медленнее.

Через несколько страниц встретился пастух, который перед смертью говорил о снеге в доме. Верба помнила, как тогда пыталась его успокоить, объясняя, что за окном просто идёт снег и скоро всё закончится. Старик смотрел на неё с раздражением и несколько раз повторял, что снег лежит прямо на полу и его не нужно убирать.

Через четыре года другая женщина просила не закрывать окно, потому что за ним было море. Верба знала, где она жила. За окном находился сад.

Потом появился человек, который рассказывал о доме, в котором прожил всю жизнь, хотя описывал совсем другой дом. Он называл комнату, которой никогда не существовало, и спорил с Вербой, когда она говорила, что ошибается.

«Я знаю этот дом», — сказал он тогда.

И ещё один случай. Молодая женщина, которой не исполнилось и двадцати пяти, перед смертью сказала:

«В прошлый раз было иначе».

Верба спросила:

«Что было иначе?»

Женщина посмотрела на неё, словно вопрос был странным.

«Всё».

После этого она больше ничего не сказала.

Верба закрыла тетрадь. За окном уже совсем стемнело; она подбросила дрова, вернулась к столу и достала остальные тома.

В ту ночь она впервые стала искать такие записи специально.

Если читать их по одной, они ничем не выделялись. Каждый случай можно было объяснить отдельно: старостью, болезнью, лекарствами, жаром, страхом перед смертью. Некоторые люди действительно путали прошлое и настоящее.

Но когда Верба собрала все записи вместе, объяснять их по отдельности стало труднее.

Пастух никогда не жил в доме, где шёл снег.

Женщина никогда не видела моря.

У молодого человека не было брата, хотя он несколько часов перед смертью говорил о старшем мальчике, который должен был прийти за ним.

Старуха, прожившая всю жизнь в одном городе, утверждала, что знает дорогу через незнакомый лес.

А несколько человек говорили о собственной жизни так, словно уже проживали её прежде.

Верба начала переписывать такие случаи в отдельную тетрадь. Она не давала им названия, потому что любое название показалось бы ей преждевременным. Просто указывала имя человека, дату и то, что услышала.

Иногда она ездила к родственникам умерших и задавала вопросы.

После нескольких месяцев таких расспросов Верба убедилась, что ошибается не она: люди действительно говорили о том, чего в их жизни не было.

Однажды к ней позвали старого торговца по имени Рен. Он болел долго, и Верба знала, что конец близок. Когда она пришла, в доме уже почти погасили свет. Жена сидела возле кровати, сын стоял у окна и смотрел во двор.

Рен долго молчал. Потом открыл глаза и посмотрел на дверь.

— Она ждёт, — сказал он.

Жена наклонилась к нему.

— Кто?

Он не ответил.

Через несколько минут снова произнёс:

— Я опоздал.

— Куда ты опоздал?

Рен улыбнулся.

— В этот раз тоже.

Верба записала разговор уже после его смерти. На следующий день, перечитывая запись, она поймала себя на мысли, что больше всего её беспокоит не то, кого он видел, а слово «тоже».

Тогда она впервые почувствовала не любопытство, а страх — слабый, из тех, что легко принять за обычную усталость. Но с этого дня она стала внимательнее.

Станный звук появился спустя несколько лет.

Верба пришла к старому человеку, который последние дни почти не говорил. Его дочь сидела рядом и всё время держала его за руку. Он несколько часов смотрел перед собой, иногда закрывал глаза, потом снова открывал их, будто кого-то ждал.

Под вечер губы его дрогнули.

— Ма...

Дочь сразу наклонилась к нему.

— Мама?

Он нахмурился и едва заметно качнул головой.

— Нет.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сделать следующий вдох.

— Ма... те...

Дочь заплакала. Верба не стала переспрашивать. Старик больше ничего не сказал.

Позже, уже дома, она записала услышанное и рядом поставила вопросительный знак. Второй звук она могла расслышать неправильно.

Она почти забыла об этом случае, пока через год похожее не произошло с другой женщиной. На этот раз Верба услышала только:

— Ма...

А потом женщина несколько раз повторила что-то, похожее на «те», но так тихо, что разобрать было невозможно.

Ещё через год мужчина произнёс один короткий звук, после которого сказал:

— Она.

Когда Верба спросила, кто она, он ответил:

— Ты знаешь.

И отвернулся.

Таких случаев стало больше. Поэтому Верба долго не связывала их между собой — пока однажды не заметила, что рядом с этим звуком почти всегда возникает что-нибудь ещё.

Человек вспоминал дом, которого не было. Говорил о другой жизни. Звал кого-то, кого никто в комнате не знал. Просил передать кому-то, что он вернулся. Или говорил, что уже был здесь.

Верба начала отмечать такие случаи на полях, хотя сама не знала, что ищет — ей просто хотелось понять, действительно ли ей не кажется то, что она слышит.

Постепенно она заметила, что некоторые образы повторяются.

Река.

Дом.

Мост.

Женщина у окна.

Снег в комнате.

Лес.

И ещё одна странность, которую она не могла объяснить. Некоторые люди, рассказывая о том, что с ними происходило, говорили о себе в прошлом времени так, словно вспоминали не события, а целую жизнь.

«Там я был другим».

«Там у меня была дочь».

«В тот раз я осталась».

«Я помню его лицо, но здесь его никогда не было».

Верба однажды спросила у старого лекаря, который много лет наблюдал умирающих:

— Ты когда-нибудь замечал такое?

Он пожал плечами.

— Что именно?

Она пересказала несколько случаев.

Лекарь выслушал её и сказал:

— Перед смертью память иногда открывает старые двери.

— А если человек вспоминает то, чего с ним не происходило?

— Значит, память ошиблась.

— А если одинаково ошибаются разные люди?

Лекарь посмотрел на неё.

— Тогда ты нашла хорошую загадку для долгих зимних вечеров.

Он налил себе чаю и добавил:

— Не всякая дверь нуждается в том, чтобы её открывали.

Верба запомнила эти слова.

Следующей весной Верба начала работать с картой. Она не сразу поняла, что записи можно связать с местами. Сначала отмечала только города и деревни, которые называли умирающие. Потом стала ставить точки там, где они жили. Затем добавила места, которые они описывали в своих последних воспоминаниях, даже если таких мест не существовало.

Карта быстро стала непонятной. Точки расходились во все стороны, некоторые накладывались друг на друга, несколько указывали туда, где давно стояли другие поселения.

Но однажды Верба заметила линию.

Она провела её карандашом.

Потом стёрла и начала заново.

Несколько точек ложились почти рядом, если соединить их в определённом порядке. Не идеально, но достаточно, чтобы заставить её проверить.

Линия уходила к старому лесу.

Верба знала это место. За лесом не было ничего, что стоило бы отмечать на карте — ни поселения, ни дороги. В детстве она слышала, что когда-то там стояла какая-то постройка, но никто не мог сказать, какая: может быть, храм, а может, что-то ещё старше.

Верба долго смотрела на пустое пространство за лесом. Потом закрыла тетрадь.

На следующий день она решила пойти туда.

К лесу она добралась ближе к вечеру. Дорога оказалась знакомой до первых деревьев, дальше пришлось сверяться с картой. Верба шла медленно, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

Чем глубже она заходила, тем меньше становилось звуков. Сначала исчезли голоса людей, потом — шум дороги, потом привычный шум ветра. Где-то высоко над деревьями ещё перекликались птицы, но внизу лес казался почти пустым.

Она шла ещё около часа.

Потом деревья расступились.

Перед ней была прогалина.

В центре стояла дверь.

Верба остановилась.

Дверь была совершенно обычной: старая деревянная, с потемневшими от дождя досками, железной ручкой и несколькими глубокими царапинами возле замка. Только стены вокруг неё не было.

Она стояла одна.

Верба подошла ближе. Неизвестно почему, но первое, что она почувствовала, было не удивление.

Узнавание.

Она смотрела на дверь и никак не могла понять, откуда знает её. Ей вспомнился сон из детства. Или место, которое она когда-то видела. Или рассказ, который слышала слишком давно.

Ничего определённого. Только ощущение, что эта дверь уже была в её жизни.

Она протянула руку и коснулась дерева.

Оно оказалось тёплым.

Верба сразу отдернула ладонь.

В нижней части двери зацепилась тонкая серая нить. Она шевельнулась, хотя ветра на прогалине не было. Верба наклонилась и осторожно коснулась её пальцами. На этот раз ничего не произошло.

Она выпрямилась.

— Здесь кто-нибудь есть?

Ответа не было.

Верба обошла дверь. За ней, как и следовало ожидать, находилась та же прогалина.

Трава.

Деревья.

Серое вечернее небо.

Она вернулась к двери и долго стояла, не решаясь прикоснуться к ручке. Ей вспомнился один из последних разговоров.

Умиравшая женщина сказала тогда: «Я знаю, что здесь была».

Верба спросила: «Где?»

Женщина посмотрела на стену и ответила: «За дверью».

Верба тогда решила, что женщина говорит о своём доме. Теперь перед ней стояла дверь без дома и без стены.

Она положила руку на ручку.

В этот момент из-за двери донёсся голос.

— Наконец ты дошла.

Верба застыла. Она не узнала голос. Он не был ни мужским, ни женским, и в нём не было ничего угрожающего. Скорее он звучал так, словно тот, кто говорил, действительно ждал её и был уверен, что она придёт.

Верба хотела спросить, кто там. Но вспомнила тетради.

Снег в доме.

Море за окном.

Мальчик у воды.

Людей, которые говорили о незнакомых жизнях так, словно помнили их лучше собственной.

И тот звук, который снова и снова появлялся перед смертью.

Верба вдруг поняла, что впервые за все эти годы не хочет ничего записывать.

Она медленно сжала ручку.

Верба закрыла глаза. Она стояла так долго, что ладонь успела остыть.

Потом открыла глаза и потянула дверь на себя.

ЧАСТЬ I. МИРРА

Глава 1

Утро началось с разбитой кружки.

Мирра проснулась от звонкого удара внизу и несколько секунд не могла понять, слышала его или он ей приснился. Потом снизу раздался голос Елены:

— Мирра, ты опять будешь спать до обеда?

— Я уже проснулась.

— Тогда спускайся.

Мирра посмотрела на часы: без двадцати девять. Если они договаривались выехать в десять, тётя начинала напоминать об этом с половины девятого.

Внизу пахло кофе и поджаренным хлебом.

Елена стояла у плиты в старой домашней кофте и пыталась достать что-то из верхнего шкафа.

— Кружку разбила? — спросила Мирра.

— Я не разбила.

На полу действительно лежала кружка.

— Она сама?

— У неё, кажется, были причины.

Мирра рассмеялась и присела собрать осколки.

— Ты же задела её локтем.

— Я не обязана свидетельствовать против себя.

В таких разговорах проходили их утра. Елена была единственным человеком, с которым Мирра могла одновременно чувствовать себя взрослой женщиной и той самой девочкой, которой когда-то запрещали лазить на крышу гаража.

Она поставила перед Миррой тарелку.

— Ешь.

Их дом стоял на краю посёлка, и сразу за соседними участками начинался лес.

Мирра любила это место, хотя иногда ей казалось, что здесь слишком тихо.

— Ты опять смотрела ночью в окно? — спросила Елена.

Мирра подняла глаза.

— Почему ты решила?

— Штора была открыта.

— Может, забыла закрыть.

— Ты никогда не забываешь.

Мирра хотела ответить, но почему-то не смогла сразу подобрать слова.

Она действительно не помнила, открывала ли ночью окно.

Последнее, что вспоминалось, — она лежала в кровати и читала. Потом, кажется, уснула.

— Наверное, вставала попить воды, — сказала она.

Елена кивнула.

— Может быть.

После завтрака Мирра поднялась наверх собираться.

Возле шкафа она остановилась.

Ей показалось, что он стоит не там.

Шкаф был старый, тёмный, с двумя дверцами. Он всегда стоял у этой стены. Она знала это совершенно точно.

И всё же память вдруг подсовывала другую картину: шкаф возле окна, солнечный прямоугольник на полу, зелёное кресло рядом.

Мирра закрыла глаза.

Картинка исчезла.

Шкаф был на месте.

— Чудесно, — пробормотала она.

Наверное, просто не выпалась.

В детстве с ней иногда случалось похожее: она совершенно точно знала, где в комнате стоит предмет, которого никогда там не видела. Елена тогда говорила, что у Мирры слишком хорошее воображение.

Мирра сама считала это обычной особенностью памяти — ничего страшного. Она взяла куртку и спустилась: Елена уже ждала у двери.

Они вышли из дома.

До Петербурга ехать было около часа.

Елена вела машину молча: она не любила говорить за рулём.

В одном месте дорога проходила между двумя рядами старых сосен. Мирра почувствовала странное узнавание — не места, а самого движения, словно уже проезжала здесь, только дорога выглядела немного иначе.

Мирра нахмурилась.

Елена покосилась на неё.

— Ты опять задумалась.

— Просто показалось, что я знаю это место.

Мирра отвернулась к окну — сосны закончились, начались дома. Через несколько минут ощущение прошло.

В городе они разошлись: Елене нужно было в мастерскую на Васильевском острове, Мирра хотела встретиться с подругой.

Перед тем как уйти, Елена сказала:

— Позвони, когда закончишь.

Мирра уже сделала несколько шагов, когда тётя окликнула её:

— Мирра.

Она обернулась.

Елена смотрела на неё так, будто хотела что-то сказать.

Но произнесла только:

— Аккуратнее там.

Мирра пожала плечами и ушла.

Она не стала спрашивать, что Елена хотела сказать на самом деле.

День прошёл совершенно обычно.

Она встретилась с Лизой, они долго сидели в кафе, потом прошлись по Невскому.

Петербург в этот день был серым и влажным. После ночного дождя тротуары блестели, в лужах отражались дома, а прохожие шли быстро, подняв воротники.

На углу Мирра остановилась возле старого здания.

Она не знала почему.

Фасад был знакомым, но сегодня ей показалось, что в здании что-то изменилось.

Она посмотрела вверх.

Третий этаж.

Четвёртое окно слева.

Балкон.

Мирра была уверена, что раньше там был другой балкон.

— Что опять? — спросила Лиза.

— Забуди.

— Ты сегодня весь день на что-то смотришь.

— Мне кажется, я плохо помню этот город.

Лиза удивлённо посмотрела на неё.

— Ты прожила здесь половину жизни.

— Поэтому и странно.

Она достала телефон и сфотографировала дом.

Через десять минут она уже забыла, что хотела проверить.

Елена позвонила около семи.

— Ты где?

— На Невском.

— Уже закончила?

— Почти.

— Тогда поезжай домой.

— А ты?

— Я ещё в городе. Не жди меня.

— Хорошо.

Разговор закончился.

Мирра некоторое время смотрела на экран телефона.

Голос был непривычно резким: Елена явно торопилась.

Она написала:

«Что случилось?»

Сообщение осталось без ответа. Мирра убрала телефон в карман; небо темнело, на улице становилось холоднее. Она пошла к метро, а потом остановилась: на другой стороне дороги стояла пожилая женщина.

Седые волосы, длинное серое пальто, небольшая сумка в руке.

Женщина смотрела прямо на Мирру. Взгляд был внимательным, почти цепким — таким смотрят на того, кого узнали, а не на случайного прохожего.

Мирра почувствовала то же самое.

На долю секунды ей показалось, что она уже встречала эту женщину.

Где-то очень давно.

Женщина отвернулась и пошла прочь.

Мирра сама не поняла, почему двинулась за ней.

Она успела перейти дорогу, но женщины уже не было.

Мирра огляделась.

Люди шли мимо, машины двигались по проспекту, где-то звонил трамвай.

Ничего необычного. Она достала телефон — от Елены пришло сообщение:

«Не задерживайся. Я скоро буду дома».

Мирру встревожило не столько содержание сообщения, сколько время: оно пришло всего минуту назад, хотя Елена совсем недавно говорила, что ещё в городе.

Мирра набрала её номер. Телефон долго не отвечал, потом соединение прервалось. Она позвонила снова, и на этот раз Елена ответила.

— Да?

Мирра улыбнулась.

— Ты уже дома?

На другом конце несколько секунд было тихо.

Потом Елена сказала:

— Конечно.

— Тогда почему ты мне написала, что скоро будешь дома?

Пауза.

— Я ничего тебе не писала.

Мирра посмотрела на экран.

Сообщение всё ещё было там.

— Елена...

— Мирра, где ты?

В её голосе впервые за весь день появился страх.

— На Невском.

— Стой там.

— Что случилось?

— Всё нормально. Просто не уходи оттуда.

— Но ты сказала...

— Мирра, послушай меня. Стой там.

Связь оборвалась. Мирра несколько секунд держала телефон возле уха, потом посмотрела на экран.

Сообщение исчезло.

Глава 2

В следующие несколько дней Мирра почти не вспоминала о том разговоре с Еленой. В тот вечер она простояла на Невском почти час, пока Елена не перезвонила обычным голосом и не спросила, почему она до сих пор не дома. Она видела, что писала тёте сама, помнила их разговор, помнила, как стояла на улице и пыталась понять, почему Елена говорит так, словно чего-то боится, но самого сообщения, из-за которого всё началось, больше не было.

Один раз она попыталась найти в истории вызовов сам звонок. Звонка не было. Ни входящего от Елены, ни исходящего от неё самой в тот вечер. Как будто весь разговор случился только у неё в голове.

В конце концов Мирра решила, что просто ошиблась.

Телефон тогда несколько раз терял сеть, батарея почти разрядилась, да и день выдался длинным. Память могла соединить два разных момента в один. Мирра уже замечала за собой подобные ошибки, хотя раньше не придавала им значения.

Елена тоже больше ничего не говорила.

Провалов становилось всё больше: она могла забыть разговор, перепутать место встречи или совершенно точно помнить вещь, которой, как выяснялось, никогда не было.

Елена говорила, что это от усталости.

Лиза — что от слишком большого количества информации.

Мирра считала, что обе правы.

Однажды вечером они сидели на кухне и пили чай.

Елена листала старый журнал, Мирра читала книгу. За окном шёл мелкий дождь, и вода стекала по стеклу тонкими дорожками.

— Тётя?

— Мм?

— Ты когда-нибудь хотела уехать отсюда?

Елена подняла взгляд.

— Из дома?

— Из посёлка.

— Когда-то.

— Почему не уехала?

— Наверное, привыкла.

— Только поэтому?

— Не знаю.

— Ты иногда так отвечаешь, будто знаешь больше, чем говоришь.

— А ты иногда задаёшь вопросы, на которые я не хочу отвечать.

— Справедливо.

Мирра закрыла книгу.

— А если я однажды уеду?

— Уедешь.

— И ты не станешь меня удерживать?

— Нет.

— Даже если тебе будет плохо?

Елена посмотрела на неё.

— Мне будет плохо.

— Но удерживать не станешь?

— Нет.

— Почему?

Елена помолчала.

— Потому что человек должен сам выбирать, где ему жить.

Мирра кивнула.

— Хороший ответ.

— Я старалась.

Потом Елена убрала чашки и пожелала Мирре спокойной ночи.

Мирра поднялась к себе.

Перед тем как лечь, она открыла окно.

С улицы пахло мокрой землёй и холодным деревом. Где-то далеко проехала машина, потом всё снова стихло.

Она посмотрела на тёмные очертания леса.

На секунду ей показалось, что между деревьями виден свет.

Мирра прищурилась.

Света не было.

Она закрыла окно и задёрнула штору.

Утром можно было никуда не спешить.

Глава 3

В субботу Елена решила, что им пора заняться кладовкой.

Мирра узнала об этом за завтраком и сразу поняла, что день пропал.

— Ты хранишь там всё подряд, — вздохнула Мирра.

— Не всё.

— В прошлый раз я нашла там коробку с телефонами.

— Старые телефоны.

— Семь штук.

— Вдруг пригодятся.

— Кому?

— Мне.

— Когда?

Елена задумалась.

— Когда-нибудь.

Мирра рассмеялась.

Через десять минут они уже стояли посреди кладовки, окружённые коробками.

Елена складывала вещи в три кучки: оставить, отдать, подумать. Третья росла быстрее остальных.

К обеду они разобрали только половину и бросили.

После обеда Мирра собралась в город.

Елене нужно было в мастерскую, и она высадила Мирру по дороге.

— Вечером позвони, — сказала Елена.

— Позвоню.

— И не задерживайся.

— Почему?

— Потому что завтра затмение, и я хочу, чтобы ты была дома.

Мирра улыбнулась.

— Хорошо.

В городе было многолюдно.

Затмение обсуждали повсюду: в магазинах продавали специальные очки, в социальных сетях спорили о том, что оно якобы принесёт каждому знаку зодиака.

Мирра никогда не понимала, почему люди так легко связывают обычные природные явления с собственной жизнью. Солнце закрывается Луной, и вдруг кому-то нужно увольняться, возвращаться к бывшему или срочно рвать отношения.

Мирра позвонила Елене.

— Ты действительно так переживаешь из-за завтра?

На другом конце повисла пауза.

— Нет.

— Тогда почему просишь меня быть дома?

Елена ответила не сразу.

— Хочу провести день вместе.

Мирра улыбнулась.

— Можно было просто сказать.

— Теперь сказала.

Они попрощались.

Елена приехала за ней около восьми.

По дороге они почти не разговаривали. За окном быстро темнело, на мокром асфальте отражались фонари.

— Завтра останемся дома, — сказала Елена.

— Хорошо.

— И телефон держи рядом.

— Ты меня пугаешь.

— Я просто прошу.

— Хорошо.

Некоторое время они ехали молча.

Потом Мирра спросила:

— Ты помнишь то затмение, которое мы смотрели, когда я была маленькой?

— Да.

— Мне было девять?

— Восемь.

— А где мы были?

Елена крепче сжала руль.

— За городом.

— Где именно?

— Не помню.

— Ты только что сказала, что помнишь.

— Я помню тебя. Не место.

Ей самой почему-то запомнилось совсем другое.

Лес.

Чужие голоса.

Холод.

И рука Елены.

Но всё это было слишком давним и расплывчатым.

— Наверное, я тоже путаю, — сказала она.

Елена промолчала.

Дома они поужинали поздно.

Елена приготовила пасту, Мирра открыла бутылку вина.

Потом Мирра принесла из комнаты коробку со старыми фотографиями.

— Нашла сегодня.

— Где?

— В кладовке.

Они начали разбирать фотографии.

На одной Елена была совсем молодой. Рядом стоял мужчина, который улыбался, обнимая её за плечи.

— Кто это?

— Сергей. Мой брат.

— Ты о нём почти не рассказывала.

— Он смеялся так, что за столом ему всегда велели прекратить.

— Я его совсем не помню.

— Ты была маленькой.

— Но я же его знала?

— Наверное.

Мирра перевернула фотографию.

С обратной стороны стояла дата.

— Странно.

Мирра пожала плечами и положила фотографию обратно.

Ей показалось, что дата не совпадает с тем, что она помнила. Но проверить это было невозможно.

Елена закрыла коробку.

— Хватит на сегодня.

— Хорошо.

Перед сном Мирра вышла на крыльцо.

Завтра днём солнце будет закрыто Луной.

Ничего особенного.

Миллионы людей будут смотреть на него через специальные очки и рассказывать друг другу, что это знак.

Мирра усмехнулась.

Ей казалось забавным, что люди так боятся нескольких минут темноты среди белого дня.

Она уже собиралась вернуться в дом, когда вышла Елена и встала рядом.

Они долго стояли, запрокинув головы к небу.

Мирра повернулась к ней.

— Ты опять думаешь о чём-то.

— Иногда думаю.

— И не рассказываешь.

— Не всё нужно рассказывать.

— Это я уже слышала.

Елена улыбнулась.

— Тогда ты должна была запомнить.

— Вот с памятью у меня как раз проблемы.

— Бывает.

Они вернулись в дом.

У лестницы Елена остановила Мирру.

— Завтра будь рядом.

— Буду.

— Хорошо.

Она слышала, как Елена проверила замок и выключила свет в коридоре.

Мирра легла и почти сразу уснула.

Утром они собирались смотреть затмение.

Глава 4

В день затмения Мирра проснулась ещё до того, как зазвонил будильник. Солнце уже поднялось достаточно высоко и, пробиваясь между неплотно сомкнутыми шторами, оставляло на стене широкие полосы света. Мирра относилась к затмению с привычной иронией. Солнце закроет Луна, потом оно снова выйдет, и на этом история закончится.

На кухне Елена уже готовила завтрак. На столе рядом с её чашкой лежали защитные очки, купленные накануне, хотя сама Елена до последнего утверждала, что смотреть на затмение не собирается.

Утро прошло спокойно. Они перебрали ещё несколько коробок, долго спорили о том, куда поставить старый шкаф, а потом оставили его там же, где он стоял прежде. После обеда Мирра вышла во двор и не узнала посёлок: соседи вынесли стулья, кто-то установил камеру, дети бегали между домами, размахивая защитными очками.

Мирра остановилась у калитки и с улыбкой наблюдала за всем этим.

— Такое ощущение, что они ждут конца света, — сказала она, когда Елена вышла следом.

— Может быть, для кого-то это одно и то же.

— Ты сейчас серьёзно?

— Нет.

Мирра рассмеялась и подняла лицо к ясному, почти безоблачному небу. Над домами сияло солнце, и трудно было представить, что через несколько часов привычный день хоть ненадолго изменится.

Когда началось затмение, сначала действительно ничего особенного не происходило. Мирра смотрела на солнечный диск через защитные очки и видела лишь маленькую тёмную дугу, которая медленно становилась шире.

Постепенно свет начал меняться.

Сначала это было почти незаметно. Просто стало немного прохладнее, и привычные краски вокруг словно потеряли яркость. Потом тени от деревьев вытянулись и стали необычайно чёткими, а лица людей приобрели странный сероватый оттенок. Где-то вдали продолжали ехать машины, однако их шум словно отодвинулся, а птицы неожиданно замолчали.

Елена стояла рядом и смотрела вверх.

— Ты в порядке? — спросила Мирра.

— Да.

— Ты побледнела.

— Здесь холодно.

Мирра хотела ответить, что ещё несколько минут назад было тепло, но промолчала. Елена редко показывала страх, а сейчас в её лице появилось напряжение, которое Мирра не могла объяснить.

Она снова посмотрела на солнце.

И увидела нить.

Сначала Мирра решила, что это блик. Тонкая серебристая полоса пересекла пространство между ней и деревьями и почти сразу исчезла. Она сняла очки, протёрла стекло пальцами и взгляделась снова. Полоса была на месте.

Потом появилась ещё одна.

Мирра медленно подняла голову. Теперь линии возникали повсюду, хотя заметить их можно было только боковым зрением. Они проходили между домами, пересекали деревья, уходили за заборы. Они не светились, не отбрасывали тени, и всё же Мирра видела их совершенно отчётливо.

Ей показалось, что она уже когда-то смотрела на них.

Воспоминание тут же ускользнуло.

— Елена, — позвала она.

Елена не ответила.

Мирра повернулась к ней и увидела, что тётя тоже смотрит на нити. Лицо Елены стало ещё бледнее.

— Ты их видишь?

Елена медленно кивнула.

Это было хуже любого ответа.

Одна из нитей вдруг оказалась совсем рядом — так близко, что ей показалось, будто воздух возле неё стал плотнее. По коже пробежал холод.

Елена схватила Мирру за руку.

— Не отходи.

— Я никуда не собираюсь.

— Просто оставайся рядом.

Мирра посмотрела на неё. Елена сжимала её ладонь слишком сильно, и делать вид, что тётя просто волнуется из-за природного явления, было уже невозможно.

— Ты знала, что это произойдёт?

Елена не ответила.

Вместо ответа она посмотрела на небо.

Свет продолжал угасать.

Звуки вокруг стали странными. Голоса людей доносились словно через воду: фразы теряли начало, окончания растворялись. Где-то совсем рядом кто-то тихо застонал, потом звук перешёл в протяжное мычание. Оно повторилось издали, и похожие звуки возникли одновременно в разных концах посёлка.

Мирра прислушалась.

Никаких слов.

Только низкий, протяжный звук, похожий на человеческий голос, который пытается что-то вспомнить, но не может.

Елена тоже его слышала. Мирра поняла это по тому, как изменилось её лицо.

— Что это? — спросила она.

Елена только крепче сжала её руку.

Солнце почти исчезло.

На несколько мгновений дневной свет стал настолько слабым, что посёлок преобразился. Дома, деревья и люди потеряли привычные цвета, а небо приобрело глубокий, почти металлический оттенок. Мирра смотрела на нити, когда они начали двигаться.

До этого они казались неподвижными, но теперь одна за другой стали натягиваться, словно невидимая сила тянула их в разные стороны. Несколько нитей сошлись над крышами домов, образовав сложный узор, и Мирра почувствовала странное давление в ушах.

Елена повернулась к ней.

— Что бы ни случилось, не отпускай меня.

— Не отпускай.

В тот же момент пространство вокруг них дрогнуло.

Мирра не смогла бы потом сказать, что именно произошло. Земля оставалась под ногами, люди стояли на своих местах, но расстояния между предметами перестали быть прежними. Дом в нескольких десятках метров на мгновение показался бесконечно далёким. Лицо Елены оказалось совсем близко, а потом словно отодвинулось за пределы досягаемости.

Нити натянулись ещё сильнее.

Мирра стиснула руку Елены и слышала её голос, но не разобрала слов. Вокруг снова раздалось это протяжное мычание, теперь уже совсем близко. Оно не было похоже ни на чело-

веческую речь, ни на звук животного; в нём было что-то такое, от чего Мирре стало больно в груди, хотя она не понимала причины.

Она попыталась посмотреть на Елену, но её лицо оказалось размытым.

Мирра почувствовала, что теряет опору — не падая, не двигаясь, а словно переставая ощущать, где заканчивается собственное тело и начинается окружающее пространство. На короткий миг ей показалось, что она находится внутри огромной тишины, в которой всё ещё существуют звуки, свет, земля и небо, но между ними больше нет привычных границ.

Последним она почувствовала руку Елены.

Пальцы разжались.

И всё вокруг стало совершенно неподвижным.

Мирра открыла глаза и не сразу поняла, почему лежит на траве.

Над ней было небо. Обычное, светлое, уже почти дневное. Солнце вернулось на прежнее место, и только лёгкая прохлада напоминала о том, что несколько минут назад здесь происходило что-то необычное.

Она медленно поднялась, поправила волосы и огляделась. Люди уже собирали стулья и складывали камеры. Мирра машинально принялась искать Елену среди людей и увидела её в нескольких шагах от себя.

Елена стояла неподвижно и смотрела куда-то перед собой.

Мирра хотела окликнуть её, но почему-то задержала дыхание.

Всё вокруг выглядело точно так же, как прежде, и всё же в знакомом пространстве появилось что-то едва уловимое. Она оглядела дом, деревья, дорогу, ведущую к посёлку, и на секунду испытала странное ощущение, словно видит всё это впервые и одновременно помнит слишком давно.

Елена повернула голову.

Их взгляды встретились.

Мирра сделала шаг к ней.

— Елена...

Тётя смотрела на неё молча.

Мирра остановилась, сама не понимая, откуда взялась эта тревога.

Глава 5

Взгляд Елены был внимательным и совершенно чужим. Мирра ждала, что в лице тёти сейчас мелькнёт узнавание, привычная улыбка, хотя бы раздражение. Ничего этого не произошло. Елена смотрела на неё спокойно и настороженно, как смотрят на незнакомого человека, который обращается к тебе так, словно между вами есть какая-то давняя история.

— Простите? — переспросила она.

Мирра улыбнулась, хотя улыбка вышла неестественной. Наверное, Елена ещё не пришла в себя после затмения.

— Елена...

— Да?

Она произнесла своё имя совершенно спокойно, и от этого Мирре стало не по себе. Будто имя принадлежало человеку, которого Елена слышала от неё впервые.

— Это я, — сказала Мирра. — Мирра.

Елена продолжала смотреть на неё.

— Я вас знаю?

Мирра попыталась рассмеяться, но звук застрял в горле.

— Конечно знаешь.

Она назвала своё полное имя, напомнила, что они только что стояли вместе во дворе. Но чем больше Мирра говорила, тем осторожнее становился взгляд Елены.

— Простите, — сказала она наконец, — но я вас не знаю.

Мирра смотрела на неё и не могла заставить себя принять услышанное.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Елена, это я.

— Я понимаю, что вы так думаете.

В этой фразе не было ни насмешки, ни раздражения. Елена действительно считала её заблуждающейся. И именно это окончательно разрушило последнее объяснение, за которое Мирра держалась.

Она начала говорить о вещах, которые знала только Елена: о документах в нижнем ящике комода, о коробке со старыми телефонами в кладовке, о ключах, которые тётя всегда оставляла в одном и том же месте. Потом вспомнила Сергея, её брата, и сказала, что он умер, когда Мирре было четыре года, после чего Елена одна её вырастила. Последняя фраза далась труднее остальных.

Елена выслушала всё до конца.

— Вы действительно много обо мне знаете, — сказала она после долгого молчания.

— Потому что я твоя племянница.

— Но я вас не помню.

— Тогда пойдём домой.

Елена немного помедлила.

— Зачем?

— Потому что ты сама всё увидишь.

В её голосе впервые появилось отчаяние. Мирра была уверена: достаточно открыть дверь, показать свою комнату, фотографии, вещи — и всё станет очевидным.

Елена согласилась.

Они пошли к дому. Елена держалась чуть в стороне, словно не хотела случайно прикоснуться к ней. Между ними было всего несколько шагов, но Мирре казалось, что это расстояние невозможно пройти ногами.

У калитки Елена остановилась и достала ключи.

— Дальше я сама.

— Это и мой дом.

Елена ничего не ответила. Она открыла калитку, подошла к двери и отперла её.

Мирра вошла следом.

В прихожей почти ничего не изменилось: зеркало напротив двери, полка для ключей, вешалка. Мирра машинально протянула руку к крючку, где всегда висела её куртка, и только тогда увидела, что крючок пуст.

На соседней вешалке висела тёмно-серая мужская куртка, которой Мирра раньше никогда не видела.

— Это чьё? — спросила она.

Елена обернулась.

— Не знаю.

— Как не знаешь?

Елена подошла к куртке и осторожно коснулась рукава. На лице появилось выражение задумчивости.

— Я не помню, чтобы она здесь была.

Мирра ничего не ответила. Она прошла в кухню.

На столе стояла чашка с синей полоской у ручки.

Мирра остановилась.

Она знала эту чашку. Мирра подарила её Елене на день рождения, и тётя сказала, что чашка слишком красивая для каждого дня, а через неделю стала пить из неё каждое утро.

Мирра взяла чашку со стола.

— Ты помнишь её?

— Конечно.

— Откуда она у тебя?

Елена задумалась. Провела пальцем по синей полоске, перевернула чашку, посмотрела на доньшко.

— Не знаю.

— Я тебе её подарила.

Елена подняла взгляд.

— Может быть.

Елена сказала это спокойно, и Мирра вдруг почувствовала, насколько страшнее было бы, если бы тётя просто не верила ей. Но Елена верила в то, что видела перед собой. Она просто не могла связать чашку с Миррой.

Мирра поставила её обратно.

— Ты ведь всегда говорила, что она тебе нравится.

— Наверное, поэтому я её и храню.

Эта фраза заставила Мирру замолчать.

Всё на кухне было знакомым: занавески, которые они выбирали вместе, пятно возле окна, которое так и не удалось вывести. Елена тоже видела эти вещи, но теперь за каждой из них стояла история, в которой Мирре не было места.

Мирра поднялась вверх.

На втором этаже было тихо. Мирра остановилась перед дверью, которую открывала тысячи раз, и почти испугалась того, что увидит за ней.

Мирра открыла дверь.

Комната изменилась настолько, что первые несколько секунд она просто стояла на пороге. У окна теперь находился письменный стол, возле стены стояло незнакомое кресло, на полках лежали чужие книги. Всё, что должно было быть её, исчезло без следа.

Она вошла и медленно огляделась.

Она хотела убедить себя, что Елена затеяла ремонт. Но здесь не было ничего случайно переставленного. Комната принадлежала кому-то другому.

Сзади слышались шаги.

Елена остановилась в дверях.

— Это не моя комната, — сказала Мирра.

Елена посмотрела внутрь.

— Здесь всегда была моя спальня, — сказала она после паузы.

Мирра обернулась.

— Нет.

— Я живу здесь одна.

— А где мои вещи?

Елена не ответила.

Мирра подошла к письменному столу. На нём лежала небольшая деревянная коробка. Она открыла её почти машинально и увидела внутри старую заколку в форме цветка.

Мирра замерла.

Она взяла её двумя пальцами.

Воспоминание пришло мгновенно: летнее утро, белая рубашка, Елена, которая пытается собрать ей волосы перед школьным праздником, и маленькая заколка, несколько раз падающая на пол. Мирра помнила, как Елена сердито сказала, что если она ещё раз начнёт вертеться, то пойдёт в школу с распущенными волосами. Потом сама рассмеялась.

— Откуда это? — спросила Мирра.

Елена подошла ближе.

— Не знаю.

— Ты её помнишь?

— Саму вещь — да.

— Это моя.

Мирра сжала заколку в ладони. Ей стало страшно от того, насколько отчётливо она это помнит и насколько спокойно Елена может на неё смотреть.

— Почему она здесь?

— Не знаю.

— Почему осталась?

Елена подняла глаза.

— Что значит «осталась»?

Мирра не ответила.

Она достала телефон.

Первой мыслью была Лиза.

Мирра нашла её номер и нажала вызов.

Лиза ответила после нескольких гудков.

— Алло?

Услышав знакомый голос, Мирра на секунду не смогла заговорить.

— Лиза?

— Да.

— Это я.

На другом конце возникла пауза.

— Простите, кто?

Мирра закрыла глаза.

— Мирра.

— Какая Мирра?

Она назвала фамилию, напредила университет, общих знакомых, кафе, в котором они сидели совсем недавно. Лиза слушала с растущим недоумением.

— Я вас не знаю, — сказала она наконец. — Вы точно не ошиблись номером?

— Нет.

— Тогда я не понимаю, кто вы.

Связь оборвалась.

Мирра ещё некоторое время смотрела на экран телефона.

Потом открыла переписку.

Она листала сообщения, возвращаясь всё дальше в прошлое. Имена, даты, фотографии были на месте, но было ощущение, словно кто-то взял её жизнь и аккуратно переписал, стараясь не оставить следов.

На одной фотографии Лиза стояла у воды. Мирра помнила этот день: они долго сидели на набережной, и Лиза сделала несколько снимков.

Теперь на фотографии была только Лиза.

Мирра приблизила изображение.

Рядом с ней оставалось достаточно места для второго человека.

Она долго смотрела на это пустое пространство, пока внизу не послышался голос Елены.

— Мирра?

Мирра подняла голову.

Это имя прозвучало так неожиданно, что она быстро спустилась.

Елена стояла на кухне. В руках у неё была та самая чашка с синей полоской.

— Ты меня звала?

— Нет.

Елена посмотрела на чашку, потом на Мирру.

— Я всё думаю об этой вещи.

— О чашке?

— Да.

Она провела пальцем по краю.

— Я не помню, откуда она у меня. Но почему-то, когда я держу её, мне кажется, что я должна что-то вспомнить.

Мирра подошла ближе.

— Меня.

Елена помолчала.

— Возможно.

Мирра ничего не сказала.

За окном уже темнело. Посёлок постепенно зажигал вечерние огни, и в стекле отражались они обе: Елена, стоящая у стола с чашкой в руках, и Мирра, которая всё ещё держала в кармане маленькую детскую заколку.

Потом Елена тихо сказала:

— Я не помню тебя.

Мирра кивнула.

— Но рядом с тобой всё время возникает ощущение, будто я что-то потеряла.

Мирра посмотрела на неё.

Впервые после затмения ей стало нечего доказывать.

Глава 6

Ночевать Елена предложила ей в гостиной. Принесла плед, подушку, потом вернулась за второй, от которой у Мирры по утрам затекала шея. Всё это происходило так буднично, что хотелось плакать. Перед тем как уйти наверх, Елена задержалась у лестницы и сказала, что утром они разберутся, куда Мирре идти.

— Куда идти? — переспросила Мирра.

Елена пожала плечами.

— Вам ведь нужно где-то жить.

— Я живу здесь.

Елена не стала спорить. Только устало посмотрела на неё и тихо сказала:

— Постарайтесь поспать.

Наверху закрылась дверь.

Мирра осталась на диване, укрывшись пледом, который пах шкафом и чем-то почти домашним. За стеной работал холодильник, с улицы доносился звук редких машин. Обычная ночь в обычном доме.

Телефон долго лежал рядом. Потом Мирра всё-таки открыла контакты. Ей не нужно было, чтобы эти люди были близкими. Достаточно было одного человека, который скажет: «Да, я знаю тебя».

Мирра открыла старый рабочий чат: фотографии с корпоративов, поздравления, графики дежурств, разборы сложных больных. Люди были знакомыми. События она помнила. Только в тех местах, где должна была быть она, теперь оказывалось свободное пространство. Иногда фотография просто была обрезана так, будто фотограф никогда не собирался снимать её.

Она несколько минут смотрела на один снимок, прежде чем поняла, что больше не может.

Телефон погас в её руке.

Ближе к утру Мирра всё-таки уснула, но сон оказался неглубоким и тревожным. Ей снова и снова снился лес, хотя она не могла вспомнить, когда была там в последний раз. Среди деревьев стояла Елена, только лицо её всё время оставалось в тени. Мирра пыталась подойти ближе, звала её, но расстояние между ними не сокращалось. Потом где-то впереди появлялся свет, и стоило Мирре сделать шаг, как она просыпалась.

Разбудил её запах кофе.

Несколько секунд она лежала с закрытыми глазами, слушая знакомое движение на кухне, и успела почувствовать прежнюю жизнь рядом с собой. Потом вспомнила вчерашний день.

Она поднялась и пошла на кухню.

Елена уже была одета. По лицу было видно, что она почти не спала. Она поставила перед Миррой тарелку и села напротив.

— Будете завтракать?

— Да.

Мирра взяла вилку, но есть сразу не стала.

Елена тоже молчала. Она сидела на своём обычном месте, потом, словно только сейчас заметив это, немного отодвинула стул. Этот маленький жест оказался для Мирры тяжелее всего, что произошло накануне. Елена делала всё так, как делала всегда, но теперь между ними появилась осторожность, которой раньше не существовало.

— Вы решили, куда пойдёте? — спросила Елена.

— Нет.

Елена растерянно замолчала. Мирра подняла глаза.

— Можешь мне поверить.

Елена долго молчала.

— Я вам верю.

Мирра не ожидала такого ответа.

— Правда?

— Я верю, что вы не врётё. — Елена взяла чашку обеими руками. — Но я не помню вас.

И не могу сделать вид, что помню.

Мирра хотела возразить, но не нашла слов.

Елена сделала глоток чая.

— Наверное, это звучит ужасно.

— Да.

— Мне тоже.

Они снова замолчали.

После завтрака Мирра поднялась наверх. За ночь в комнате ничего не изменилось: тот же письменный стол, чужие книги, другое кресло. Она знала, что так и будет.

Мирра спустилась обратно за курткой.

Елена стояла у окна.

— Я хочу кое-куда сходить.

— Куда?

— В лес.

Елена повернулась.

— В какой лес?

— Ты не помнишь?

— Нет.

Мирра застегнула куртку.

— Я помню.

Она сама удивилась своей уверенности. Мирра помнила не дорогу, а отдельные ощущения: мокрую после дождя землю, запах хвои, тонкую корку льда на воде, руку Елены, за которую держалась маленькой.

— Зачем тебе туда? — спросила Елена.

Мирра помолчала.

— Не знаю. Просто хочу посмотреть.

Елена кивнула.

— Будь осторожна.

Мирра уже открыла дверь, когда услышала за спиной:

— Мирра.

Она остановилась.

Елена смотрела на неё с каким-то странным выражением, словно сама не понимала, почему произнесла её имя.

Несколько секунд она молчала, потом покачала головой, словно отгоняя мысль.

— Иди.

Мирра вышла.

За последними домами асфальт сменился утоптанной землёй. Всё вокруг казалось слишком обыкновенным: люди прогревали машины, выгуливали собак, из одного дома пахло свежим хлебом. Мирра шла мимо и старалась не думать о том, что для остальных жизнь продолжилась без изменений.

Она несколько раз ошибалась дорогой, но тело словно узнавало путь раньше памяти.

Лес встретил её тишиной.

Сначала она услышала воду, потом увидела небольшой ручей и деревянный мост. Он был низким, почти незаметным, с потемневшими от времени перилами. Мирра остановилась перед ним.

Вот здесь.

Она не знала, откуда была в этом уверена, но знала.

Когда-то она уже стояла здесь.

Мирра положила ладонь на перила. Дерево оказалось холодным и влажным. В памяти возникла маленькая девочка, стоящая рядом с Еленой. Девочка держала её за руку и смотрела вперёд, туда, где за мостом начиналась лесная тропа. Что было дальше, Мирра вспомнить не могла. Оставалось только ощущение, что тогда она очень боялась идти дальше, а Елена сказала ей что-то тихое и успокаивающее.

За мостом между деревьями тянулась узкая тропа, почти скрытая травой. Ей казалось, что если она сейчас войдёт под деревья, то вспомнит всё.

Мирра медленно ступила на мост.

Под ногами тихо скрипнула доска.

Она остановилась и посмотрела вперёд, туда, где тропа исчезала между деревьями.

Глава 7

Мирра ещё некоторое время стояла на мосту. После всего случившегося она впервые подумала, что и собственная память может её обманывать.

В лесу хрустнула ветка.

Мирра замерла и прислушалась. Где-то между стволами что-то шевельнулось, потом всё стихло. И всё же идти дальше она не стала. Ей остро захотелось вернуться туда, где оставались люди, документы и всё то, что можно проверить. Она сняла руку с перил и пошла обратно.

До посёлка Мирра добралась быстро. По дороге решение становилось яснее. Она не могла доказать Елене, кто она такая, не могла убедить Лизу и не могла найти себя на фотографиях. Но государственные записи были другим делом. Где-то должны были существовать сведения о её рождении, паспорте, регистрации, работе.

В городе она попросила водителя остановить возле ближайшего МФЦ.

Внутри было душно и многолюдно. На стене висел экран с номерами талонов, и через несколько минут высветился её номер.

Девушка за окошком попросила паспорт.

Мирра передала ей паспорт, и от одного этого движения стало немного спокойнее: плотная бумага, знакомая фотография, подпись, дата рождения.

Сотрудница открыла документ, сверила фотографию с лицом Мирры и начала вводить данные в компьютер. Сначала она работала спокойно, потом остановилась, стёрла введённые цифры и попробовала снова.

— Подождите минуту, пожалуйста.

Мирра кивнула.

Девушка прочитала что-то на экране и нахмурилась.

— По этому номеру у нас ничего не находится.

— Проверьте ещё раз.

— Я проверила.

Девушка спросила фамилию, имя, дату рождения и снова начала печатать. Потом несколько секунд молча смотрела на экран.

— Странно.

— Что?

— По фамилии тоже ничего нет.

— Попробуйте по адресу, — попросила Мирра.

Она назвала адрес Елены.

Сотрудница поискала и покачала головой.

— По этому адресу вы не зарегистрированы.

— Я там жила.

— Раньше?

— Всегда.

Девушка подняла глаза.

— Я не могу подтвердить это по системе.

Мирра почувствовала, как в груди начинает подниматься знакомое напряжение.

— Но паспорт-то у меня есть.

— Я вижу.

— И фотография моя.

— Да.

— Тогда как может не существовать человек, которому принадлежит этот паспорт?

Сотрудница посмотрела на неё уже не как на обычного посетителя.

— Я не знаю.

Она сказала это просто, без попытки смягчить ответ.

— Возможно, вам нужно обратиться в другое ведомство. Я могу дать вам адрес.

Мирра забрала паспорт.

— Не надо.

Только на улице Мирра поняла, что всё это время слишком крепко сжимала паспорт.

Она открыла паспорт на первой странице и долго смотрела на собственную фотографию. Девушка с фотографии смотрела прямо перед собой и никак не могла знать, что спустя несколько лет её лицо окажется в документе, который будет принадлежать человеку, которого нигде не найдут.

Мирра закрыла паспорт и убрала его в сумку.

Ей не хотелось возвращаться к Елене. Она не знала, что скажет ей и зачем вообще пойдёт обратно. Но других дверей у неё сейчас не было.

К дому она подошла уже под вечер.

Елена сидела на крыльце с раскрытой книгой на коленях. Услышав шаги, она подняла голову и закрыла книгу.

— Вы вернулись.

— Да.

Мирра остановилась перед крыльцом.

— Я была в МФЦ.

— Зачем?

— Хотела проверить документы.

Елена ждала продолжения.

— Меня там нет.

Она сказала это спокойно, хотя спокойствия не чувствовала совершенно.

— Как это?

— Не знаю. Паспорт есть. Я есть на фотографии. Но по номеру ничего не находится. По адресу я не зарегистрирована.

Елена несколько секунд молчала.

— Покажите.

Мирра достала паспорт и передала ей.

Елена раскрыла его, внимательно прочитала данные, задержалась взглядом на фотографии.

— Это действительно вы.

— Конечно.

— Я понимаю.

Она вернула документ, но руку не сразу убрала. Ей, кажется, не хотелось снова оставаться без него.

— Значит, вы всё-таки пойдёте в лес?

— Да.

— Сегодня?

— Да. Пока не стемнело.

Елена кивнула и посмотрела на дорогу.

— Я всё думаю о том, что вы рассказывали.

— О чём именно?

— О том, что я вас вырастила.

Мирра ничего не сказала.

— Я не могу это вспомнить, — продолжила Елена. — Но иногда мне кажется, что я должна.

Она положила ладони на книгу.

— Сегодня утром я пыталась вспомнить, была ли у меня когда-нибудь детская комната наверху. Потом подумала, что это глупость. Я ведь знаю этот дом. Знаю каждую комнату. Знаю, где что стоит. Но когда вы говорите о каких-то вещах, я иногда узнаю их раньше, чем успеваю понять почему.

Мирра села рядом.

— Значит, ты всё-таки что-то помнишь?

— Нет. — Елена задумалась. — Наверное, не помню. Просто некоторые вещи кажутся знакомыми.

Мирра опустила глаза.

— Этого достаточно.

— Для чего?

— Пока не знаю.

Елена посмотрела на неё — и улыбнулась. Улыбка была совсем небольшой, почти незаметной, но в ней на секунду появилось что-то прежнее.

— Возьмите хотя бы еду.

— Елена...

— Что?

— Ты не обязана обо мне заботиться.

— Знаю.

Елена встала и скрылась в доме.

Мирра осталась на крыльце. Через несколько минут Елена вышла с термосом и свёртком, завернутым в полотенце.

— Хлеб, сыр и яблоки. Термос горячий. Если будете возвращаться поздно, позвоните.

Мирра взяла свёрток.

— Кому?

Елена на мгновение растерялась.

— Мне.

— Но ты не знаешь меня.

Елена отвела взгляд.

— Я знаю.

Она помолчала, потом добавила:

— И всё равно можете позвонить.

Мирра хотела ответить, но не смогла.

Она поднялась с крыльца и уже собиралась идти, когда Елена вдруг машинально поправила ей воротник куртки — так, будто делала это уже тысячу раз. И тут же, спохватившись, отёрнула руку.

Несколько секунд они обе молчали.

— Извините, — сказала Елена. — Сама не знаю, зачем.

Мирра только кивнула и вышла за калитку.

До леса было недалеко. Небо уже темнело. Мирра несколько раз оглядывалась. Елена всё ещё стояла у калитки.

Потом дорога скрыла дом.

У моста Мирра оказалась уже в сумерках. Ручей внизу шумел сильнее, чем утром. Она достала из кармана маленькую заколку, которую нашла в комнате.

Подержала её в ладони, потом снова убрала.

В лесу было тихо.

Мирра перешла мост. Тропа теперь казалась уже и темнее, а деревья стояли так близко, что за первыми стволами почти ничего нельзя было разглядеть.

Она постояла ещё немного, привыкая к темноте, а потом пошла дальше.

Глава 8

Мирра перешла мост и некоторое время ещё слышала под ногами тихий скрип старых досок. Потом звук воды остался позади, деревья сомкнулись плотнее, и тропа стала почти незаметной. Она шла медленно, стараясь запомнить дорогу, но через несколько минут поняла, что уже не сможет объяснить, откуда пришла. Тропа то расширялась, то сжималась между стволами, несколько раз раздваивалась, и каждый раз Мирра выбирала направление почти наугад.

Она достала телефон, чтобы проверить связь.

Экран не загорелся.

Мирра нажала кнопку ещё раз, потом удерживала её дольше, чем обычно. Ничего. Она вспомнила, что утром заряда было почти восемьдесят процентов, и даже открыла было рот, чтобы выругаться, но передумала. После всего, что произошло с Еленой, сломавшийся телефон казался почти мелочью.

Она убрала его в карман и пошла дальше.

Постепенно становилось холоднее. Сначала Мирра решила, что просто углубилась в лес и здесь меньше ветра, но потом увидела белый налёт на траве. Мирра присела, коснулась одного из стеблей и сразу отёрнула руку.

Иней.

Она посмотрела на небо, хотя между ветвями его почти не было видно. Несколько часов назад стоял тёплый летний вечер. Она помнила это совершенно точно: запах нагретой земли, открытые окна домов, Елена без куртки. Даже если температура здесь резко упала, иней всё равно не должен был появиться так быстро.

Мирра выпрямилась и огляделась. Лес выглядел тем же самым, но теперь ей всё чаще казалось, что она замечает детали, которых раньше здесь не было. Она решила вернуться к мосту, пока ещё могла найти дорогу назад.

Стоило ей повернуть, как правая нога ушла вниз.

Склон оказался гораздо круче, чем выглядел в темноте. Мирра попыталась удержаться, но подошва скользнула по мокрой земле, и она покатилась вниз, цепляясь руками за ветки. Одна хлестнула по щеке, другая сломалась с сухим треском. Внизу она ударилась плечом о камень и несколько секунд просто лежала, пытаясь понять, что болит сильнее — плечо или колено.

Сверху слышался мужской голос.

— Не вставай сразу.

Мирра посмотрела вверх.

На краю оврага стоял мужчина. В одной руке он держал фонарь, в другой — длинную деревянную палку, на конце которой что-то поблёскивало. Свет падал снизу вверх, и лицо оставалось в тени.

— Вы кто?

— Сначала руку покажи.

— Что?

— Которой упала.

Мирра осторожно пошевелила правой рукой.

— Плечо болит.

— Значит, пока повезло.

Он спустился к ней. Двигался быстро, но осторожно, проверяя ногой каждый участок земли. Когда оказался рядом, поставил фонарь на камень и присел.

— Где больнее?

Мирра указала на плечо.

Он осторожно провёл пальцами по ключице, затем по плечевому суставу.
Потом убрал руку.

— Похоже, ничего серьёзного. Ушиб.

Мирра посмотрела на него внимательнее. Теперь лицо стало видно. Мужчина был примерно её возраста, может, немного старше. Волосы коротко подстрижены, на левой брови старый шрам. Одежда выглядела странно: грубая куртка из плотной ткани, высокие сапоги, ремень, на котором висел нож. Всё казалось сделанным для жизни, в которой подобная одежда действительно нужна.

Он поднялся.

— Идти можешь?

— Думаю, да.

— Тогда вставай.

Мирра ухватила за его руку и поднялась. Нога болела, но выдерживала вес.

— Спасибо.

— Не за что.

— Вы здесь живёте?

— Ты откуда пришла?

— Из Петербурга.

Мужчина нахмурился.

— Какого Петербурга?

Мирра сначала решила, что он шутит.

— Обычного.

Он продолжал смотреть на неё, будто решая, стоит ли объяснять.

— Потом. Пойдём.

Он взял фонарь и пошёл вверх по склону.

Мирра осталась на месте.

— Подождите.

Он обернулся.

— Куда мы идём?

— Ко мне.

— Я вас не знаю.

— Я тебя тоже.

— Тогда почему вы мне помогаете?

Мужчина пожал плечами.

— Потому что ты лежишь в овраге.

Ответ оказался настолько простым, что Мирра не нашла, что сказать.

Мирра посмотрела на тёмный лес вокруг и двинулась следом.

Некоторое время они шли молча. Мужчина двигался быстро, но вскоре заметил, что Мирра прихрамывает, и сбавил темп. Говорить об этом не стал — просто начал выбирать более ровные участки тропы и иногда подсвечивал землю перед ней.

Мирра несколько раз хотела заговорить, но не решалась. Наконец любопытство пересилило.

— Как вас зовут?

— Кир.

— Я Мирра.

— Я понял.

— Откуда?

Кир посмотрел на неё через плечо.

— Ты назвалась.

— Точно.

Она усмехнулась, но он не ответил.

Через несколько минут между деревьями показался свет. Сначала Мирра приняла его за фонари вдоль дороги, но потом увидела несколько домов. Они стояли на большом расстоянии друг от друга, между ними темнели сады и какие-то хозяйственные постройки. Некоторые были сложены из тёмного дерева, другие — из светлого камня. Крыши казались слишком высокими, окна маленькими, а возле одного дома горел фонарь, внутри которого вместо электрической лампы мерцало настоящее пламя.

Они прошли дальше. Теперь стали слышны голоса, где-то лаяла собака, хлопнула дверь. Обычная жизнь, только всё вокруг было ей незнакомо.

Кир остановился возле небольшого дома.

— Здесь можешь переночевать.

— У тебя?

— Да.

Он открыл дверь.

Внутри было тепло. Пахло дымом, сушёными травами и чем-то мясным. На стене висели связки растений, у печи стояли деревянные поленья, на столе лежала раскрытая книга. Всё выглядело настолько обжитым, что Мирра впервые за последние сутки почувствовала усталость во всём теле.

Кир поставил фонарь на стол.

— Садись.

Мирра села на лавку.

Он достал из шкафа чистую ткань и положил перед ней.

— Приложи к плечу.

— А ты?

— Что я?

— Ты врач?

Кир усмехнулся.

— Нет.

— Тогда откуда всё это знаешь?

— Если здесь жить достаточно долго, научишься.

— А я врач, — сказала Мирра. — Только здесь от этого, кажется, мало толку.

Он поставил на плиту небольшую кастрюлю.

Мирра смотрела на его руки. На правой было несколько старых шрамов. Один проходил через костяшки пальцев, другой исчезал под рукавом.

— Кир.

— Что?

— Как называется это место?

Он помолчал, прежде чем ответить.

— Сила.

Мирра нахмурилась.

— Сила — это название города?

Кир посмотрел на неё.

— Нет.

— Тогда что?

— Так называют эту землю.

Он сказал это спокойно, как о самом обычном деле.

Мирра откинулась к стене.

Она подумала о Петербурге, о доме Елены, о паспорте, который существовал только в её руках, и о мосте, который привёл её сюда. Хотелось спросить ещё о тысяче вещей, но сил почти не осталось.

Кир поставил перед ней миску.

— Ешь.

— Спасибо.

— Вот теперь можешь благодарить.

Она впервые за всё время улыбнулась по-настоящему.

Кир сел напротив и занялся своим ужином.

За окном шелестели деревья. Где-то далеко снова раздался тот странный протяжный звук, который Мирра слышала в лесу.

Кир замер с ложкой в руке.

Мирра это заметила.

— Что это?

Он не ответил сразу.

Потом спокойно положил ложку на стол.

— Завтра расскажу.

Что-то новое проступило на его лице — настороженность, которой не было даже тогда, когда он злился на её вопросы.

Глава 9

Мирру разбудил стук топора. Сначала она слышала его сквозь сон, ровный и размеренный, с одинаковыми промежутками между ударами, и долго не могла понять, откуда он доносится. Потом открыла глаза и увидела над собой закопчённые балки.

Плечо при движении отозвалось тупой болью. Уже не так сильно, как вчера, но достаточно, чтобы напомнить о падении. На лавке рядом лежал сложенный плед. Вечером его там не было. Мирра провела ладонью по шероховатой ткани, затем поднялась.

В доме Кира никого не оказалось. Печь почти прогорела, в углях ещё сохранялось тепло. На столе стояла кружка с остывшим травяным отваром и лежал хлеб.

За окном уже было светло.

Выйдя во двор, она увидела Кира у поленницы. Он рубил дрова, поставив одно полено на чурбан. Топор поднимался и опускался в одном и том же движении, без заметного напряжения.

— Как плечо?

— Лучше.

— Хорошо.

Он снова занялся дровами.

Мирра огляделась. При дневном свете поселение оказалось гораздо больше, чем виделось ночью. Между домами тянулись огороды, за низкими оградами ходили животные. У соседнего дома женщина развешивала что-то на длинной верёвке, дальше двое мужчин чинили телегу. Из-за нескольких домов доносился звон металла. Люди были заняты своими делами и почти не обращали внимания на Мирру.

Один мужчина прошёл мимо, неся на плече толстое бревно. Мирра невольно обернулась ему вслед.

— Здесь все такие? — спросила она.

Кир не сразу понял, о чём она.

— Какие?

— Сильные.

Он воткнул топор в чурбан.

— Не все.

Кир снова взял топор.

Мирра посмотрела на свои руки. После вчерашней дороги, падения и ночи они казались ей непривычно тяжёлыми.

— Мне тоже придётся привыкать?

— Если останешься.

Она повернулась к нему.

— Ты вчера обещал рассказать, где я.

— Я сказал, что расскажу про звук.

— А остальное?

— Что остальное?

— Почему здесь всё другое. Почему я не могу найти дорогу назад. Почему телефон не работает. Почему...

Она замолчала, потому что не знала, с чего начать.

Кир поставил топор.

— Ты хочешь ответы сразу на всё?

— Да.

— Тогда придётся подождать.

— Почему?

— Потому что я не знаю, с чего тебе начинать.

Это был первый ответ за всё утро, который не звучал как отказ.

Мирра скрестила руки на груди.

— Хорошо. Начни с простого.

— Здесь Сила.

— Это я уже знаю.

— Значит, с простого начали.

Она невольно усмехнулась.

Кир кивнул на колодец.

— Принеси воды.

Он вернулся к работе.

Мирра взяла ведро и пошла к колодцу.

Ворот оказался тяжёлым, цепь натягивалась с рывками, и Мирра несколько раз сбивалась с движения. Когда ведро показалось у края, вода качнулась и выплеснулась на её сапоги.

— Криво тянешь.

Голос раздался совсем рядом.

Мирра обернулась.

У забора стоял мужчина лет сорока с широкой рыжей бородой. Он держал в руке деревянную кружку и смотрел на неё без особой церемонности.

— Сама вижу.

— Тогда чего мучаешься?

— Учусь.

— У Кира?

— Да.

Он кивнул в сторону дома.

Мужчина присвистнул.

— Вот это новость.

— Почему?

Он подошёл к колодцу.

— Дай.

Мирра уступила место.

Мужчина взялся за ворот и без особого усилия поднял ведро. Вода даже не качнулась.

— Ноги поставь шире. И не тяни всё руками. Весом работай.

Он показал движение ещё раз, затем отошёл.

— Попробуй.

Мирра взялась за рукоять.

— Так?

— Лучше.

Она сделала несколько оборотов.

— Медленнее.

— Я медленно.

— Нет.

Мирра хотела огрызнуться, но вместо этого продолжила. На этот раз вода почти не выплеснулась.

Мужчина забрал свою кружку с края колодца.

— Я Гром.

— Мирра.

— Знаю.

— От Кира?

— От Кира.

Он сделал шаг, потом остановился.

— Он тебя пустил в дом?

— Да.

Гром снова посмотрел на неё, теперь уже с явным любопытством.

— Странно. Шумная же.

Он не стал объяснять и ушёл, оставив Мирру с ведром.

Когда она вернулась к дому, Кир как раз складывал дрова. Он заметил воду, мокрые следы возле колодца, потом её.

— Нормально.

— Я половину пролила.

— Вижу.

— Гром сказал, что ты обычно никого не пускаешь.

Кир взял ведро.

— Гром любит поговорить.

— Но это правда?

— Правда.

— Тогда почему я здесь?

Кир поставил ведро возле дома.

— Не знаю.

Мирра удивлённо посмотрела на него.

— Не знаешь?

— Я тебя нашёл в лесу. Привёл сюда. Дальше ещё не решил.

Он взял полотенце и протянул ей.

— Вытри руки.

Мирра вытерла ладони и только потом заметила, что Кир снова взялся за топор.

— Ты всегда так принимаешь решения?

— Обычно быстрее.

На этом разговор закончился.

К обеду Мирра успела устать сильнее, чем ожидала. Здесь никто не нажимал на кнопки и не открывал краны одним движением. Воду нужно было достать, дрова принести, печь растопить, еду приготовить. Даже небольшие хозяйственные вещи требовали усилия, к которому её тело не привыкло.

Кир этого не комментировал.

Когда Мирра попыталась поднять слишком тяжёлое полено, он молча забрал его у неё и взял другое, поменьше.

— Я сама могла.

— Могла бы.

— Тогда зачем забрал?

— Потому что это полено тебе пока не по силам.

— Пока?

— Пока.

Он сказал это совершенно буднично и положил полено на чурбан.

После обеда Кир повёл её к колодцу и коротко поправил хватку: «Не ногами. Корпусом». На третьем обороте вода почти не качнулась. — Уже лучше, — сказал он, и Мирра готова была поклясться, что уголок его рта дрогнул.

Вечером они сидели на крыльце. Воздух стал прохладнее, над крышами медленно поднимался дым, в нескольких окнах уже горел свет. Из дома доносилось потрескивание дров.

Мирра ждала, пока Кир заговорит первым, но он молчал.

— Ты обещал рассказать про звук.
— Помню.
— Тогда рассказывай.
Кир опёрся локтями о колени.
— Здесь его называют Зовом Границы.
— Какой границы?
— Силы.
— И что за ней?
— Не знаю.
— Никто не знает?
— Кто-то знает.
— Кто?
Кир пожал плечами.
— Если захочет, сам расскажет.
Мирра посмотрела на него с недоверием.
— Очень удобно.
— Что именно?
— Можно ответить на любой вопрос так, чтобы ничего не сказать.
Кир усмехнулся.
— Ты быстро учишься.
Она хотела возразить, но передумала.
Мирра повернулась к лесу.
— Вчера он был близко?
— Да.
— Поэтому ты меня нашёл?
— Нет.
— Тогда почему?
— Я слышал тебя.
— В лесу?
— Ты громко кричала.
Мирра невольно улыбнулась.
— Значит, Гром был прав.
— В чём?
— Что я шумная.
Кир посмотрел на неё и впервые за вечер рассмеялся.
Смех оказался коротким, неожиданным, совсем не похожим на его обычную сдержанность. Потом он снова обернулся к лесу.
— Звук вчера был ближе, чем обычно.
— Ты его боишься?
Кир долго молчал.
— Нет.
Он провёл ладонью по деревянному краю крыльца.
— Помню.
Мирра ничего не спросила.
Через некоторое время из леса донёсся протяжный звук. Он был гораздо тише вчерашнего, почти терялся в вечернем воздухе, но Кир сразу поднял голову.
Мирра тоже слышала.
Кир встал.
— Сиди здесь.

— Что случилось?

— Пока ничего.

Он спустился с крыльца и несколько минут стоял у края двора, всматриваясь в темноту. Потом вернулся и снова сел рядом.

Они ещё долго сидели молча. За домами темнел лес, в печи потрескивали дрова, а где-то далеко, за пределами видимого, один за другим гасли огни.

Глава 10

Проснувшись Мирра от голосов во дворе. Она ещё несколько секунд лежала, не открывая глаз, прислушиваясь к приглушённому разговору за стеной, пока среди мужских голосов не узнала Кира. Она быстро оделась, натянула сапоги и вышла во двор.

У калитки стояли Гром и ещё двое мужчин, которых она прежде не видела. Один держал лук, у другого на поясе висел короткий нож. Кир стоял возле телеги и рассматривал карту, нарисованную на куске выделанной кожи. Рядом лежала свернутая верёвка, несколько небольших мешков и фляга с водой.

— Что случилось?

Кир поднял глаза от карты.

— Пастух не вернулся с северного выгона.

— Давно?

— Со вчерашнего вечера.

Мужчина с луком уже затягивал ремень на плече и нетерпеливо поглядывал на дорогу.

— Если идти сейчас, успеем до полудня.

Кир свернул карту, убрал её за пояс и взял верёвку.

— Тогда идём.

Мирра шагнула к ним.

— Я с вами.

Кир посмотрел на неё так, будто услышал нечто совершенно неожиданное.

— Нет.

— Почему?

— Ты не знаешь дороги и не умеешь ходить по этой местности.

— Я могу научиться.

— Не сегодня.

Мирра уже открыла рот, чтобы возразить, но Гром, проходя мимо, усмехнулся.

— Она всё равно пойдёт.

Кир бросил на него короткий взгляд.

Гром направился к калитке, и Мирра пошла следом.

— Держись рядом, — сказал Кир.

— Значит, я иду?

— Раз уж пошла.

Он догнал остальных, а Мирра осталась позади на несколько шагов.

Дорога на север шла вдоль реки, потом сворачивала в лес. Мирра старалась держать темп остальных, хотя плечо после недавнего падения постепенно начинало ныть. Она не жаловалась. После первых нескольких остановок ей даже показалось, что Кир нарочно выбирает дорогу полегче.

Мужчины почти не разговаривали. Иногда Гром приседал возле земли, проводил пальцами по примятой траве или рассматривал сломанный стебель, после чего показывал направление.

К полудню лес начал редеть. Деревья становились ниже, под ногами вместо мягкой земли появились камни, а впереди открылась широкая пустошь, уходившая к невысоким серым холмам.

Гром остановился.

— Дальше открыто.

Кир присел возле края тропы и провёл рукой по траве. Несколько стеблей были примяты, на влажной земле виднелись следы сапог.

— Здесь проходил человек.

— Пастух? — спросила Мирра.

Кир кивнул.

— След свежий.

Никто не двинулся сразу.

Мирра почувствовала: что-то изменилось. Вчера, когда Кир говорил о границе, это слово казалось ей почти условным, чем-то вроде обозначения далёкого места. Теперь мужчины стояли молча и смотрели туда, где лес заканчивался.

— Что там? — спросила она.

Кир выпрямился.

— Граница ближе.

— Насколько?

Он не ответил. Вместо этого поднял руку, и все замолчали.

Мирра сначала ничего не услышала. Потом где-то далеко, за пустошью, возник протяжный гул. Он был очень тихим и странным: звук будто проходил не через воздух, а где-то под ним, заставляя землю едва заметно дрожать под подошвами.

Кир повернул голову в сторону холмов.

— Идём.

На этот раз никто не спорил.

Они прошли ещё около часа, держась ближе к камням.

Пастуха нашли в небольшой лощине между двумя каменными выступами.

Гром увидел его первым.

— Вон там.

Мужчина сидел, прислонившись спиной к валуну. Одежда была испачкана землёй, на щеке засохла кровь. Когда Гром подошёл и окликнул его, пастух резко дёрнулся и попытался вжаться в камень.

— Спокойно. Это мы.

Пастух смотрел на него несколько секунд, словно не сразу узнавал.

— Я думал, вы не придёте.

Кир опустил рядом.

— Что произошло?

Мужчина сглотнул.

— Овца ушла.

— Ты пошёл за ней?

— Да.

Он посмотрел на пустошь.

— Потом услышал.

Кир не стал спрашивать, что именно.

— Как близко?

Пастух показал рукой.

— Там.

Гром тихо выругался.

— Я побежал обратно, — продолжил пастух. — Только не понимал, куда бегу. Всё время казалось, что звук идёт следом. Я остановился, а потом... не помню.

— Овцу видел?

Пастух покачал головой.

Кир протянул ему руку.

Пастух попытался подняться, сделал шаг и пошатнулся. Кир подхватил его под руку.

Пастух сделал ещё несколько шагов, но снова едва не упал. Кир молча перекинул его руку через своё плечо и взял его за пояс, удерживая почти весь вес на себе.

Обратно они пошли медленно.

Мирра старалась держаться рядом с Громом. Вскоре она заметила, что Кир почти не меняет шага, хотя пастух всё сильнее наваливается на него. Только иногда его рука сжималась на чужом локте, когда тот спотыкался.

— Раньше он был другим, — сказал вдруг Гром.

Мирра хотела спросить, каким он был, но Гром уже ускорил шаг.

К посёлку они вернулись затемно. Семья пастуха выбежала им навстречу, и вскоре вокруг мужчины собрались люди. Кир передал его родственникам и отошёл в сторону.

Мирра догнала его возле дороги.

— Ты его спас.

— Мы его нашли.

— Если бы тебя не было...

— Но был.

Кир пошёл дальше.

Мирра заметила, что он слегка прихрамывает.

— Ты ранен.

— Ушибся.

— Кир, я врач.

— Я знаю.

Он снова двинулся к дому.

Мирра пошла рядом.

— Почему ты не можешь просто дать человеку тебе помочь?

Кир не ответил.

Возле дома он открыл дверь, вошёл и снял куртку. На боку рубахи темнело пятно. Он увидел взгляд Мирры и сразу отвернулся.

— Это кровь?

— Нет.

— Кир.

— Не начинай.

Он достал чистую рубаху и исчез за дверью маленькой комнаты.

Мирра осталась на кухне. Потом услышала, как там открывается шкаф, затем вода льётся в таз. Она не стала заходить.

Когда Кир вернулся, на нём уже была чистая рубаха. Двигался он осторожнее, чем утром, но старался этого не показывать.

Мирра поставила перед ним чашку с горячим отваром.

— Хотя бы это выпей.

Кир сел.

— Хорошо.

Она тоже села напротив.

Некоторое время они молчали.

За окном темнел лес, а издалека доносился обычный вечерний шум посёлка. Только теперь Мирра знала, что за деревьями, совсем недалеко от этого дома, есть место, откуда иногда приходит звук, после которого люди не возвращаются прежними.

Кир поднял чашку.

Мирра смотрела на него и вспоминала слова Грома.

Раньше он был другим.

Она пока не знала, что именно изменилось в нём и почему человек, который без колебаний несёт на себе раненого, сам не позволяет даже осмотреть собственный ушиб. Спрашивать она не стала. Пока.

Глава 11

В дверь постучали. На пороге стоял мальчишка лет двенадцати, запыхавшийся после бега. Он торопливо сообщил, что Услава зовёт Кира в Общий дом, и, едва договорив, уже повернулся к дороге.

— Что случилось? — спросил Кир.

— Она сама скажет.

Мальчишка убежал, а Кир ещё несколько секунд стоял в дверях, глядя ему вслед. Потом вернулся за плащом.

— Что такое Общий дом? — спросила Мирра, натягивая куртку.

— Там собираются, когда дело касается всех.

— А Услава?

— Старейшина.

Мирра уже обувалась.

— Я пойду с тобой.

Он хотел возразить, но только посмотрел на неё и открыл дверь.

— Держись рядом.

Общий дом стоял на другом конце поселения. При дневном свете он казался внушительнее, чем ночью, когда Мирра впервые увидела его издалека: длинное бревенчатое здание с высокой крышей, широким крыльцом и большими окнами. Внутри уже собралось несколько десятков человек. Мирра увидела Грома и мужчину с луком, который ходил с ними искать пастуха, а у очага заметила Усладу.

Старуха сидела прямо, сложив руки на коленях. Её длинная седая коса была перекинута через плечо. Когда вошёл Кир, разговоры постепенно стихли.

— Ты пришёл, — сказала Услава.

— Меня позвали.

— Значит, пришёл вовремя.

Она поднялась и дождалась, пока последние голоса смолкнут.

— За последние дни Зов стали слышать чаще. Вчера его слышали у северного выгона, ночью — возле реки. Сегодня утром двое видели следы у старой дороги.

По залу прошёл беспокойный шёпот.

— Что будем делать? — спросил кто-то.

— То, что можем. Дозоры на северной тропе усилить, детей и скот туда не водить. Никому не ходить к границе одному.

Мужчина с луком спросил, нужно ли отправить людей проверить дорогу. Услава ответила, что проверят, но ближе к границе пойдёт только тот, кто знает местность.

— Кир.

Он поднял голову.

— Ты пойдёшь.

— Пойду.

Несколько человек переглянулись. Для них, похоже, ничего необычного в этом не было, и Мирра вдруг поняла, что Гром говорил правду: Кир действительно ходил туда раньше и делал это не один раз.

Услава задержала на нём взгляд, потом обернулась к собравшимся.

— Есть одна вещь, которую многие здесь знают, но о которой редко говорят. Возможно, сейчас пришло время напомнить её остальным.

Кир медленно повернулся к ней.

— Услава.

— Я не рассказываю твою историю, Кир. Я говорю о том, что связано с границей.

— Это одно и то же.

Старуха не отвела взгляда.

— Нет.

Она помолчала, затем продолжила:

— Твой брат исчез там много лет назад. Он ушёл к границе и не вернулся. Мы искали его несколько дней, потом ещё раз весной, когда сошёл снег. Нашли следы, нашли сандалию, но самого тела не нашли.

В доме стало так тихо, что Мирра слышала потрескивание поленьев в очаге.

Кир стоял неподвижно.

— Ты тогда был совсем мальчишкой, — продолжила Услава. — Он был старше и всегда держался рядом с тобой. Если ты не успевал за остальными, он ждал. Если тебе было тяжело, нёс твою воду. Ты сам тогда едва мог поднять половину того, что сейчас таскаешь за день.

— Достаточно.

Голос Кира прозвучал негромко, но разговоры в зале больше не возобновились.

Услава помолчала, потом кивнула.

— Хорошо.

Кир вышел.

Мирра подождала немного, прежде чем последовать за ним. Она догнала его уже на дороге, но он продолжал идти, не сбавляя шага.

— Кир.

Он остановился только после того, как они отошли от Общего дома.

— Что?

— Я не хотела...

— Я знаю.

— Я ничего не буду спрашивать.

Кир постоял молча, глядя на дорогу перед собой.

— Не сейчас.

Он пошёл дальше.

Мирра осталась на месте. Ей хотелось догнать его, но она не стала. Немного погодя из Общего дома вышел Гром и остановился рядом.

— Не ходи за ним.

— Не пойду.

Гром кивнул, будто именно этого и ожидал.

Мирра посмотрела на лес.

— Что случилось с его братом?

Гром не ответил сразу.

— Никто не знает.

— Кир всё ещё ищет его?

— Иногда ходит туда.

— Зачем?

Гром пожал плечами.

— Может, надеется что-нибудь найти.

— Спустя столько лет?

— Некоторые вещи долго не отпускают.

После этого Гром ушёл. Мирра осталась у Общего дома, наблюдая за дорогой, по которой исчез Кир.

Он не вернулся ни к обеду, ни после него. Мирра несколько раз выходила во двор, занималась водой, пыталась читать найденную в доме книгу, но постоянно ловила себя на том, что прислушивается к шагам за дверью. К вечеру она перестала ждать и разожгла печь.

Кир пришёл, когда уже совсем стемнело.

Дверь открылась, и он вошёл в дом, снял плащ и повесил его на привычный крюк. Он выглядел уставшим, хотя старался этого не показывать.

Мирра поставила перед ним миску с едой.

— Услада рассказала мне про брата.

Кир сел за стол.

— Я знаю.

— Ты не обязан ничего объяснять.

Он взял ложку, но есть не начал.

— Хорошо.

— И я не буду спрашивать.

На этот раз он посмотрел на неё прямо.

— Спроси.

Мирра нахмурилась.

— Что?

— Когда-нибудь.

Он опустил глаза к миске.

— Только не сегодня.

Она кивнула и больше ничего не сказала.

Они поужинали почти молча. Обычные звуки поселения постепенно стихали, и только лес за околицей оставался тёмным и неподвижным.

Мирра погасила лампу и поднялась наверх.

Кир остался у печи один.

Перед тем как закрыть дверь, Мирра ещё раз посмотрела вниз. Он сидел неподвижно, положив локти на колени, и смотрел на огонь. На мгновение отблеск пламени упал на его лицо, и Мирра заметила то, чего раньше не замечала: старый шрам у виска, уходящий под волосы.

Она закрыла дверь.

Внизу снова стало тихо.

Глава 12

Кир собирался к границе через два дня после собрания в Общем доме. Мирра заметила это вечером, когда вошла на кухню и увидела на столе разложенные вещи: верёвку, флягу, небольшой заплечный мешок, несколько ножей и свёрнутую карту. Кир сидел у окна и проверял ремни, затягивая их один за другим с той сосредоточенностью, которая появлялась у него перед дальней дорогой.

— Когда идёте?

— Завтра на рассвете.

— Я с вами.

Кир поднял глаза и несколько секунд молча смотрел на неё. За последнее время Мирра достаточно научилась понимать этот взгляд, чтобы не ждать ни возражений, ни объяснений. Он лишь спросил, готова ли она выполнять всё наравне с остальными, не рассчитывая на то, что кто-нибудь станет подстраиваться под неё. Мирра ответила, что готова, и после короткой паузы Кир кивнул. Предупредил только, что если ей станет тяжело, она должна сказать об этом сразу, а не терпеть до последнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.